

Особенности моделирования диалога автора с читателем в прозе А. Платонова (на примере рассказа «В прекрасном и яростном мире»)

Н.П. КАПШАЙ, Е.А. КАЗАКОВА

Раскрыты механизмы конструирования модели отношений между автором и читателем, основу которой составляет полисемия слова-концепта, позволяющая выстроить многоадресный диалог с читателем разного уровня подготовки и понимания.

Ключевые слова: художественная коммуникация, автор, читатель, концепты, полисемия, диалог, модель.

The article deals with the mechanisms of model constructing of the relationship between the author and the reader, which is based on polysemy of the word-concept, which allows building a multicast dialogue with readers of different levels of training and understanding.

Keywords: artistic communication, author, reader, concepts, polysemy, dialogue, model.

Проза А.П. Платонова создавалась в условиях социальной несвободы. Писатель после неопубликованных «Котлована», «Чевенгура», «Ювенильного моря» был поставлен в ситуацию выживания, во многом определившую особенность его стиля. В творчестве 30–50-х гг. упрощается творческая манера прозаика, приоритет отдается жанру рассказа, в полной мере используется возможность публикации в детских изданиях. Рассказ «В прекрасном и яростном мире» сначала под заглавием «Воображаемый свет», затем «Александр Мальцев» напечатан в журнале «Детское чтение» в 1941 г.

Соответственно нашей гипотезе, рассказ, адресованный юному читателю, но принадлежащий перу писателя-философа, рассчитан на понимание более широкой читательской аудитории. Цель данной статьи – на основе исследования семантики ключевых слов-образов раскрыть особенности художественной коммуникации и специфику моделирования диалога автора с читателем, отличающимся разной степенью культурной компетентности.

Перспектива многоадресной направленности произведения заложена уже в заглавии рассказа, в окончательном и полном варианте оформившемся как «В прекрасном и яростном мире. Машинист Мальцев». Автор открыто ориентируется на детскую и юношескую публику и скрыто на более просвещенного взрослого читателя. Первая категория читателя в меньшей степени, чем вторая, способна проникнуть в глубинные смыслы произведения. Подзаголовок «Машинист Мальцев» мог появиться как упрощающий понимание вариант, корректирующий восприятие юного читателя.

Условно, по принципу компетентности мы выделяем массового, юного и высококвалифицированного читателя. К разряду последнего отнесем «инакомыслящего» читателя. Его рецепция обусловлена условиями репрессивных 30-х гг., он предрасположен к критическому осмыслению исторической действительности, склонен к объективной оценке происходящего и не избегает запретных во «взрослой» литературе тем. Текст, сохраняя инвариантность смысла, по-разному прочитывается разными читателями. Юный читатель, доверчивый и неопытный, в процессе актуализации содержания на основе ключевых концептов воссоздает картину интенсивного развития страны, проникается оптимистическим пафосом произведения и времени, в которое на энтузиазме народа строится социализм. «Инакомыслящий» читатель реконструирует смыслы, не содержащиеся в поверхностном слое текста и фабуле повествования, проникает в глубины несказанного.

Семантика заголовка «В прекрасном и яростном мире. Машинист Мальцев» дает ключ к проникновению в коды авторского языка. Два предложения, составляющие заголовок, указывают на наличие двух смысловых центров. Первый смысловой центр разворачивается на основе слова-образа *мир*, второй – *машинист*. *Мир* – это универсальное понятие, концепт, образ-топос. Значения топоса *мир* сформировались давно, узнаваемы, информативны и активны в сознании читателя. Мир воспринимается читателем в устоявшихся представлениях, содержащихся в субтопосах *мир природы*, *социум*, *внутренний мир*.

Природное пространство можно разграничить на ближнее, в котором проложен железнодорожный путь, и небесное, космическое. В окружающей природе даже «воробей привлекал внимание Мальцева». Дальнее пространство – это сфера действия природных стихий. В понимании образов *солнце, ветер, молния, гроза* важна архетипическая и символическая составляющая. Мифопоэтика отображает архаическое представление о властвующей, карающей силе природы.

Социальный мир имеет четкие исторические координаты. Словоряд *паровоз, тяжелый состав, первоклассный механик* – знаковый в изображении эпохи индустриализации, прогрессивного развития советской страны. Особое место в описании эпохи отведено научному дискурсу, характеризующему технический прогресс и включающему специальную лексику: *установка Тесла, реверс, турбодинамо, крейцкопф*. Функцию маркеров социальных ролей и знаковых фигур истории, за которыми стоит фактография времени, выполняют слова *машинист первого класса, помощник, следователь, судья*.

Еще одна значимая составляющая огромного мирового пространства – это внутренний мир человека, раскрывающийся через описание сознания, интеллекта, духовности, душевности и человечности персонажей.

Все стороны огромного и единого мира автономны и взаимодействуют, составляют оппозицию и преподносятся в единстве авторской концепции. Принцип антитетичности порождает те новые смыслы, что позволяют художнику выказать свое особое слово о прекрасном и яростном мире текущей реальности.

Значимо то, что в заглавии «В прекрасном и яростном мире. Машинист Мальцев» образ мира изначально охарактеризован как прекрасный и яростный и в этом заключается авторская интенция в программировании читательской рецепции. Прилагательные *прекрасный и яростный* имеют широкое словарное толкование, фиксирующее общеязыковой опыт. Словарь С.И. Ожегова дает следующие значения слов. Прекрасный. – Очень красивый. 2. Очень хороший. 3. То, что воплощает красоту, соответствует ее идеалу [1, с. 517]. Яростный. – Полный ярости, гнева. 2. Ничем не сдерживаемый, неукротимый [1, с. 814].

Но ассоциативная память высококвалифицированного читателя включает эпитеты *прекрасный и яростный* в широкое культурное поле, в котором важнейшее место занимает поэзия, где слово-образ имеет бесконечный код толкования (М. Гаспаров). Поэтизмы, обладая богатой образностью и повышенной ассоциативностью, создают оксюморонный, амбивалентный образ. Одно из его подтекстовых смыслов касается категории прекрасного, несущей емкую культурную семантику. Приведем только один пример: культ прекрасного в декадансе распространился даже на зоны таких наслаждений, как забвение в опиумном опьянении и т. п.

«Горизонт ожидания» читателя, формируемый заглавием, таким образом дает установку на реконструкцию смысла семантически разветвленной структуры слова-образа. Надо отметить, что отношение к слову как носителю богатой культурной информации органично для прозаика, поэта и публициста А.А. Платонова. Оно могло вырасти из опытов автора поэтического сборника «Голубая глубина», чувства великой любви к слову. Платонов писал: «Единственная слава, единственная и истинная честь для всякого большого художника заключается в том, чтобы завещанное им слово не убывало, не утрачивалось в своей глубине, а возрастало, умноженное на понимание миллионов читателей» [2, с. 111].

Семантическая многовариантность смысловых доминант, выраженных эпитетами *прекрасный и яростный*, создает представление об особенностях стиля писателя, органичных для его поэтики. Для автора рассказа «В прекрасном и яростном мире» слово не только фактоцентрично, но и логоцентрично. Он рассчитывает на вызываемое словесной образностью множество ассоциаций, которые позволят читателю воссоздать скрытые пласты текста. В них имплицитно присутствует собственно авторское отношение к миру. Согласно логике стиля читатель ждет активизации широкого диапазона сем других слов-образов, что подтверждает дальнейший разбор текста.

Второй смысловой центр заглавия обозначен намеренно кратко: «Машинист Мальцев». По поэтическим законам смысл этого образа многомерно прочитывается в сцеплении всех структурных компонентов текста, раскрываемых в глубоком проникновении в структурное целое произведения.

Отношение к слову, работа со словом обуславливает дифференцированное восприятие, отличающее разных по эрудиции читателей. Слово-концепт несет информацию общезначимого культурно-нравственного плана, доступную пониманию массового читателя. Новые подтекстовые смыслы, возникающие во взаимодействии слов-образов и художественных приемов, способен обнаружить не всякий читатель. Подтекст скрывает смысловые пласты разной сложности декодирования.

В структуре заглавного комплекса заложена и начинает действовать избранная автором стратегия художественной коммуникации. В семантике эпитетов, как в структурном «гене», отображается способ познания текущей действительности и концептуализации собственно авторской мысли: познание идет на разных уровнях и в разных смысловых плоскостях и сводится к единой концепции. В декодировании смысла слова-образа формируется определенный «диалогический угол» (М. Бахтин), под которым происходит общение автора с разным читателем. Массовый и юный читатель готов к диалогическому разговору, так как опорные представления созданы базисными концептами. Но одновременно в глубинах текста формируются скрытое содержание, что подразумевает участие в декодировании смысла читателя высокого уровня компетенции. Многомерность подтекста обуславливает многовариантность прочтения произведения и преднамеренно рассчитана на многоадресного читателя.

Избранная автором стратегия художественной коммуникации распространяется на весь текст. Семантическая структура слова-образа *паровоз* подтверждает это. Паровоз в сознании массового читателя ассоциируется с символом прогресса, воспринимается как символ динамичного общечеловеческого движения вперед. Платонов, отталкиваясь от стереотипов мышления, достоверно воссоздает эпохальную картину ускоренной индустриализации. Появление новой марки скоростных поездов ИС свидетельствует об успешном развитии техники и науки в советском государстве. Отношение персонажей к машине демонстрирует изменения в сознании народа: для Мальцева и Кости в механизме машины уже нет тайны. Сложившееся стереотипное представление о паровозе как о непостижимом «чуде» «расщепляется» технически точным описанием устройства машины.

Но у Платонова символу революционного прогресса паровозу сообщено и новое содержание, позволившее выразить собственно авторскую рефлексии на историческое время. В сюжете о «первоклассном механике» Мальцеве машина предстает как зона повышенной опасности. Скоростной поезд становится местом испытания техники, человека, общества. В кульминационном событии на паровоз обрушиваются природные стихии. Сила ветра, грома, молнии способна поразить машину, остановить ее ход, погубить людей. Метафорическая структура актуализирует мифологическую семантику. Совсем не в духе атеистического времени стихиям возвращается древний смысл, они выступают как «враждебные роковые силы» природы.

Многозначна следующая интенция автора: стихия действует избирательно. Обходя других, она прицельно попадает в высококлассного машиниста Александра Васильевича Мальцева: был «тайный, неуловимый расчет этих сил – в том, что губили именно Мальцева» [3, с. 187]. Существует некая тайна, которая даже на уровне причинно-следственных связей трудно постигаема и объясняется на разных уровнях понимания.

На уровне причинно-следственных отношений посылом для действия карающей силы природы являются недостатки мастера. Они прямо названы: «относился отчужденно» и был «постоянно равнодушен» к людям. Концепты *равнодушие*, *безразличие* имеют однозначно негативный смысл. Они эксплицированы, и юный читатель справедливо находит причину конфликта в нравственной глухоте Мальцева.

Примечательно, что автор даже в установлении контакта с юным читателем не приукрашивает и не упрощает ситуацию. Последнему предлагается в процессе конституирования смысла проделать серьезную аналитическую работу в понимании амбивалентного образа заглавного персонажа. В личности Мальцева недостаткам противопоставлен исключительный профессионализм: только Александр Васильевич умеет «сократить опоздание поезда», идти в нужном режиме, «нагнать время». На основе таких качеств, как высокий профессионализм, самоуверенность, чувство превосходства перед другими, эгоцентризм, создается, фактически, настоящий культ личности Мальцева.

Этому во многом способствует и форма повествования, доверенного юноше, помощнику машиниста Косте: «Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним [3, с. 178]. Юношеский максимализм и романтизм естественно преувеличивают роль Мальцева. Возрастная идентификация юного читателя с Костей придает истории большую правдивость. Отзывчивость, вера в идеалы, чувство взаимопомощи – нравственные нормы, не только соответствующие духу эпохи и пропагандируемые советской идеологией, но и типичные для поры юности.

Однако в понимании образа Мальцева есть стороны, выходящие за рамки причинно-следственного истолкования. Определяющую роль в характеристике героя играют образы-концепты *воображение, слепота, скука*. В них закодированы смыслы, лежащие в глубинах культуры и истории. Акцентуализация через приём повтора концепта *воображение* возводит машиниста в ранг творческой личности. Культ воображения, выдвинутый романтиками, сыграл прогрессивную роль в общечеловеческом познании потаенных сторон мира. Надо принять во внимание и то, что первоначально рассказ имел название «Воображаемый свет».

В сюжетном развитии рассказа «В прекрасном и яростном мире» в эпизоде внезапно наступившей и незамеченной машинистом слепоты в семантике слова-образа *воображение* возникает отрицательная коннотация: состав скоростного поезда ведется рискованно и вслепую, воображаемое принимается за реальность, со всей вероятностью может произойти катастрофа. Симптоматично то, что механик, ощущающий перебои в работе двигателя и механизмов, больше доверяет воображению и не замечает, что машину «забрасывает», а скорость доходит то «до ста с лишним километров», то снижается до сорока. В сближении и сочетании концептов *воображение и слепота*, фактически, воображение приравнивается к слепоте.

Концепт *слепота* также раскрывается в разных смысловых планах: физическом, духовном, этическом, мировоззренческом. Мотив слепоты разворачивается широко и охватывает несколько образов: Мальцева, Кости, судей и следственный комитет. Неоднократно в тексте противопоставлена физическая и духовная слепота человека. Слепой случай решает судьбу человека.

Извлеченная из глубинного подтекста в процессе декодирования семантики слова-образа информация, акцентируя отрицательное, еще более усложняет образ Мальцева. Благодаря подтексту меняется представление о персонаже. Он вырисовывается противоречивой личностью: одиночкой, вынужденной жить в коллективе, недюжинной личностью, которая может искусно вести машину и может обмануться, погубив людей.

Читатель, углубившийся в полисемию слова-образа, обнаруживает мощное подтекстовое пространство. Для «инакомыслящего» читателя «главное» разъясняющее содержание происходящего оказывается упрятым в подтекст, открывающий неожиданные смыслы в соотношении художественных и исторических реалий. Ключевая деталь рассказа *машина серии ИС* взята из исторической действительности: 4 октября 1932 г. выпущена серии паровозов, названных рабочими ИС (Иосиф Сталин). В 1937 г. они были представлены на Всемирной выставке в Париже, где получила гран-при, обойдя при этом польский паровоз, считающийся в то время лучшим.

Конструирование смысла образа заглавного персонажа позволяет сделать наблюдение о том, что «главное» разъясняющее содержание упрятано в подтекст. Глубину и смысловую емкость произведения полно может расшифровать только квалифицированный читатель. Сильный импульс в реконструкции подтекста – намёк на явное сходство художественного персонажа и исторической личности. Аналогия между первоклассным машинистом и лидером советского государства очевидна. Они, единственные, умеют искусно управлять локомотивом истории, ведут состав через испытания вперед, пробиваясь сквозь противодействие враждебных сил и преодолевая крутые повороты пути.

Автор умело управляет читательской рефлексией: в последней композиционной части произведения интенционально вводится концепт *прозрение*, выделенный многократным повтором слова. Событие прозрения происходит дважды: после ослепления молнией и экспертизы следственного комитета. На малом пространстве рассказа события тесно взаимодей-

ствуют. Вследствие «дистанционных переключек эпизодов» [4, с. 56] второй из них вызывает много вопросов у читателя: почему следователи решились на рискованный эксперимент? почему понадобилось проводить эксперимент в темноте? Двойное ослепление Мальцева – природой и следственным экспериментом – приводит к мысли о жестокости и природной и социальной «губительной» силы.

Вопрошающий стиль также побуждает углубиться в подтекст. Работа следственного комитета, подвергнутого Мальцева второй раз ослеплению, вследствие реконструкции подтекста освещается с новой точки зрения. Лексические маркеры *следователь, суд, прокурор, тюрьма, следственный эксперимент* точно указывают на хорошо слаженную судебную систему, сознательно или помимо воли автора актуализирующие суровые реалии репрессивных 30–40-х гг. Работа следователей, доказательство виновности и невиновности, через которые проходит Мальцев, типичны для государственной системы и узнаваемы «инакомыслящим» читателем. Судьи нравственно и фактически слепы в расследовании дела Мальцева. Собственная слепота компенсируется экспертизой «на установке Тесла для получения искусственной молнии». Достаточно одной аллюзии (следственная экспертиза/эксперимент проводится в *темноте*), чтобы ожила в сознании просвещенного читателя жесткая система следственных дознаний. Биографический контекст (потеря самим Андреем Платоновичем Платоновым сына) только подтверждает предсказуемость читательской рефлексии.

Прозрение, физическое и духовное, – завершающий эпизод в развитии сюжета, главный результат пройденного пути. Писателем найдена итожащая формула, выведенная юношей: «...ты видишь теперь весь свет» [3, с. 189]. Смысл метафорически выраженной мысли выходит далеко за границы текста. В ней прочитывается идея произведения и потаенная мысль автора, вытекающие из анализа: всем необходимо духовное и мировоззренческое прозрение, чтобы жить в прекрасном и яростном мире современности. Прозрение наступает в единении сильной личности с другими людьми. Подтекст напрямую соотносит авторскую мысль с реальной действительностью сталинской эпохи.

Таким образом, произведение, относящееся к детской литературе, явно подразумевает многоадресную аудиторию. Двойное дно, многомерность подтекста во многом скрыты от юного читателя, массового читателя и даже цензуры, но открываются квалифицированному читателю, единомышленнику автора, способному в сотворческом процессе понять тайный смысл не сказанного открыто, но выраженного словом. Полисемия художественного слова – одно из главных средств в конструкции Платоновым модели диалога с многоадресным читателем.

Литература

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1983. – 816 с.
2. Платонов, А. Размышления читателя: Лит.-крит. статьи и рецензии / А. Платонов. – М. : Современник, 1980. – 287 с.
3. Платонов, А.П. Избранные произведения : в 2-х т. / А.П. Платонов. – М. : Худ лит., 1978. – Т. 2. Рассказы (1934–1950). – 198 с.
4. Кубасов, А.В. Рассказы Чехова: поэтика жанра: учебное пособие / А.В. Кубасов. – Свердловск : Свердл. гос. пед. ин-т, 1990. – 71 с.